

УДК 3(091).(049.32).

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-148-154

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

ЛАЗАРЕВА Л. Н. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РЕФОРМА 1965 ГОДА: ПРЕПОСЫЛКИ, ХОД, ИТОГИ. М.: ИНФОРМАЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ, 2021. 309 С.

Телицын В. Л.

*Институт всеобщей истории Российской академии наук
119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а, Российская Федерация*

BOOK REVIEW:

LAZAREVA L. N. ECONOMIC REFORM OF 1965: PREREQUISITES, PROGRESS, RESULTS. MOSCOW: INFORMATION AND PUBLISHING DEPARTMENT OF MOSCOW REGION STATE UNIVERSITY, 2021. 309 P.

V. Telitsyn

*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences
Leninskii pr-t 32a, Moscow 119334, Russian Federation*

О реформах А. Н. Косыгина (председателя Совета министров СССР в 1964–1980 гг.) на сегодняшний день написано и сказано много. Но интерес к теме не иссякает, что подтверждается появлением новых и оригинальных научных исследований, в которых эти реформы анализируются с учётом вводимых в научный оборот ранее неизвестных документальных источников. Не составляет исключения и монография Л. Н. Лазаревой.

Вполне оправдан вопрос автора: почему у специалистов сохраняется интерес к экономической реформе 1965 г. (косыгинской реформе), ушедшей в прошлое, в историю, вместе со страной? И сама же Л. Н. Лазарева отвечает: жизнь показывает, что вопросы, поставленные тогда, в 1960-е гг., и сегодня не теряют своей актуальности [с. 4], не только потому, что «смерть требует процедуры вскрытия, и гибель страны (Советского Союза – В. Т.) –

не исключение»¹, а ещё и потому, что поиск экономической модели, позволяющей эффективно управлять национальным хозяйством государства – процесс перманентный: вопросы, связанные с эволюцией экономики нельзя решить раз и навсегда, но их можно и нужно решать постоянно и ежедневно.

Л. Н. Лазарева начинает монографию со степени изученности темы, историография которой насчитывает сотни работ. Проблемы хозяйственного механизма и возможные пути их преодоления выявлялись и изучались в первую очередь современниками и свидетелями происходящих процессов и в экономике, и в обществе, прекрасно разбирались в особенностях политики директивного планирования. Да, для большинства исследователей анализ был очерчен (и сдер-

¹ Ален Р. С. От фермы к фабрике: новая интерпретация советской промышленной революции. М.: РОССПЭН, 2013. С. 8.

живался) жёсткими рамками идеологии, но, как считает автор, без предубеждения и предвзятости. Другой вопрос в том, насколько для советского времени оставались актуальными попытки суммировать итоги косыгинских преобразований? Не превалировал ли в исследованиях 1970-х – начала 1980-х гг. только чисто академический (теоретический), далекий от реальности, интерес?

Всплеск интереса к косыгинской попытке изменить модель экономики связан с реформами 1985–1991 гг. Но «связан» достаточно специфически. Л. Н. Лазарева считает, что, будучи опытными управленцами и осторожными политиками, Л. И. Брежнев и А. Н. Косыгин не рискнули пойти по рыночному пути, а решили продолжить поиск эффективного ответа на вызовы повседневной реальности. Так ли это? Если принять во внимание, что ставка в 1970-х – начале 1980-х гг. делалась на нефтедоллары, то, конечно же, нет, ни о какой эффективности ответа на вызов «трансформирующейся реальности» речь вообще не шла.

Действительно, и с этим не поспоришь, итогом горбачёвских реформ стало исчезновение с политической карты мира Советского Союза.

Но только ли горбачёвские реформы привели к гибели страны? Ряд авторов считает, что дело в интегральном кризисе, охватившем все сферы власти, общества и экономики. Причём кризис этот – процесс длительный, не сиюминутный, остро проявившийся в 1950-е гг.¹, а косыгинские реформы – одна из попыток, причём очень серьёзная, повлиять на ситуацию, сложившуюся в национальной экономике.

Благодаря историческому 1991 г., исследовательская мысль уже не сдерживалась жёсткими идеологическими правилами, а «архивная революция» расширила источниковую базу исследований [с. 7], в

т. ч. и по истории косыгинских реформ. И данный факт дал возможность автору рецензируемой монографии быть по возможности скрупулёзной и объективной в своих обобщениях и оценках, привлекая к исследованию все доступные документальные источники.

Итак, «откуда», по мнению автора монографии, «есть пошла» экономическая реформа председателя Совета министров СССР А. Н. Косыгина, о которой было заявлено осенью 1965 г.?

Во-первых, корнями она уходит во времена 1917 г., т. е. прихода к власти большевиков, стремившихся реализовать марксистские идеи экономического развития государства и общества и постоянно сталкивавшихся с противоречиями между теорией и практикой. Тем самым автор опровергает миф о горбачёвских реформах как первоисточнике всего государственного зла.

Именно со времени зарождения Советского государства Л. Н. Лазарева начинает «сбор анамнеза» о состоянии советской экономики. И диагноз её неутешителен. По её мнению, во-первых, «несвоевременность революции, несговорчивость большевиков, бескомпромиссно отстаивающих именно своё видение “пути в социализм”» [с. 19], от себя добавим – и «военный коммунизм», породивший Гражданскую войну, – всё это запустило процесс деформации марксистской модели социалистической экономики.

Во-вторых, Л. Н. Лазарева старается разобраться с глубинным содержанием и такого очень сложного в истории России (а были ли в её истории простые периоды?) явления, как новая экономическая политика. Автора интересует позиция (применительно к изучению косыгинских реформ) ряда исследователей о том, что НЭП (время экономических реформ) «не сломали, а он сам сломался, т. к. был слишком противоречивой и неустойчивой системой» [с. 21].

¹ Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. 965 с.

Но о том, был ли «сломан» НЭП или он сам «сломался», Л. Н. Лазарева не даёт однозначного ответа [с. 21], поскольку для неё более важен иной сюжет – выстраивание экономической модели мобилизационного типа, процесса, точка отсчёта которого приходится на время сворачивания НЭПа (конец 1920-х гг.).

В-третьих, внимание автора уделено и 1930-м гг., когда в ходе процесса «великого перелома» не только аграрного сектора, но и всей национальной экономики сложился «костяк» советской экономической модели, «сильная сторона» которой – победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., а «слабая» – приоритетное развитие сектора «А» (производство средств производства) за счёт развития сектора «Б» (производство предметов потребления) [с. 32].

В-четвёртых, после Великой Отечественной войны парадигма развития экономики определилась, прежде всего, представлениями И. В. Сталина [с. 49]: сначала – обеспечение экономической независимости страны (непреложное требование). Подобный подход, по мнению автора монографии, суживал, при ограниченности ресурсов, поле выбора эволюции экономической модели [с. 50].

Л. Н. Лазарева полагает, что формирование сталинской модели было выбором в сложных условиях конца 1920-х гг. По нашему мнению, надо определиться в другом: был ли этот выбор предопределён сложными социально-экономическими условиями существования страны, или, вопреки сложным условиям, ставка на данную модель была предопределена исходя из приоритетов идеологии над экономикой?

Ведь автор монографии сама признаёт, что несовершенство экономической модели не было секретом для советского руководства, сознательно подчинивших экономическую эффективность решению политических задач.

Экономическая модель мобилизационного типа не могла существовать

вечно, её отставание от потребностей времени стало заметно уже со второй половины 1950-х гг. По мнению Л. Н. Лазаревой, именно тогда хозяйственниками-практиками был нащупан «противовес» экстенсивному пути, и на интенсивный путь национальное хозяйство разворачивали «перекосы модели». Поэтому за снижением розничных цен следовало снижение оптовых цен, которое, благодаря показателю «снижение себестоимости», нацеливало трудовой коллектив на борьбу с издержками и повышение производительности труда. К тому же рыночный сектор (артели, потребкооперация и пр.), подчинённый плановому, помогал ему, разделяя задачи, позволяя гибче реагировать на изменение спроса потребителей, внося разнообразия в ассортимент [с. 86]. И с этим подходом стоит согласиться, что подтверждается разработками современных исследователей первых экономических преобразований второй половины 1950-х гг.¹ А может быть, всё проще? А может быть, только во второй половине 1950-х гг. и можно было вслух и безбоязненно говорить о проблемах национальной экономики?

Автор монографии права в том, что советское общество, победившее в страшной войне, а потом, восстановив (правильнее будет сказать – восстанавливая) национальное хозяйство, мечтало о спокойной и благоустроенной жизни.

Однако мечтам этим «противостояли» 2 фактора:

1. В условиях жёсткой централизации системы и потребительского дефицита товаров и услуг шёл процесс осознания управленцами специфических интересов своей социальной группы [с. 87]. Автор, правда, считает, что этот фактор формировал запрос на корректировку управленческой модели. Но решает ли корректировка вопрос дефицита?

¹ Попов Г. Эволюция советского экономического развития 1950–1960 годов. Ч. 1: Реформы Маленкова // Вести Экономика. 2020. 18 января.

2. Политические лидеры Советского Союза социализм видели по-разному. Это формировало и разные запросы на управленческую модель [с. 87]. Подтверждение своей гипотезы автор не приводит. И у читателя сразу возникает вопрос: этот тезис – для второй половины 1950-х – середины 1960-х гг.? Или всё же для времени бухаринского лозунга «Обогащайтесь»?

Советские лидеры второй половины 1950-х – 1960-х гг. попытались реформировать сталинскую управленческую модель. Но, по мнению автора, поиск хрущёвского десятилетия сосредоточился на решении проблемы «баланса полномочий Центра и регионов, попытки нащупать возможность оптимизации управления путём частичного делегирования прав на уровень хозяйствующих субъектов, а также «оптимизации» планирования» [с. 120], т. е. вопрос шёл не о реформировании самих экономических механизмов, а некоей «надстройки», состояние которой, конечно же, влияло на национальную экономику, но второстепенно. Свидетельство тому – новые проблемы экономического порядка, проявившиеся в хрущёвское время.

Таким образом, анализ генезиса «дефектов» советской экономической модели, формировавших запрос на её корректировку, а также причин замыслов, хода реализации косыгинской реформы и значение полученных в итоге результатов [с. 9], – всё это является основным объектом исследования Л. Н. Лазаревой.

Но «корректировка дефектов» должна иметь теоретическую базу, в данном случае – экономические законы.

Вернёмся назад, к историографии: «Прописку в советской науке получила концепция, согласно которой экономические законы социализма носят объективный характер. Их нельзя “создавать” и “преобразовывать” усилиями и волей государства. Но их необходимо познавать и стремиться использовать при достижении конкретных народнохозяйственных

целей. Именно это *прозрение* и сделало возможным косыгинскую экономическую реформу» [с. 7].

Стоило бы термин «прозрение» заключить в кавычки, никакого прозрения не было, так же как и не было никаких «экономических законов социализма», и/или «экономических законов капитализма». Два этих формационных штампа существовали лишь для того, чтобы чисто идеологически развести реальность советскую от реальности несветской и не дать возможности уяснить простую истину – есть законы экономики как таковые, и главный из них – материальная заинтересованность как основной фактор эволюции национального хозяйства.

Думается, что автор рецензируемой монографии подспудно и сам так считает, принимая во внимание его обращение к капитальному исследованию «Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.»: «...Идеология и психология догоняющего развития в равной степени заставляла различные, сметавшие друг друга режимы делать упор именно на экономике, выпячивая эту проблему и форсируя её решение при недооценке и даже полном забвении других сторон и факторов модернизационного комплекса, особенно “ценностей, отношений, символических смыслов и культурных кодов, короче говоря, того неуловимого и неощутимого”, без которого модернизация не может быть успешной. Чугунный бог советской тяжёлой индустрии и нечистый на руку бог Гермес постсоветского монетаризма 90-х гг. прошлого столетия в равной мере не оправдали возлагавшихся на них надежд. Исторически детерминированное нежелание и неумение “верхов” решать проблемы модернизации в системе, а также в постоянном контакте с обществом, породили в России феномен подмены реформ социальным экспериментированием...» [с. 8].

Руководствуясь выдуманной экономикой социализма и «отключив», например, функции регулятора у закона стоимости,

СССР вынужден был брать управление на себя, контролируя выполнение плана в натуральных и денежных показателях, рациональное использование фондов, выдачу зарплаты, своевременное внесение платежей в бюджет, использование бюджетных средств и кредитов, – такова позиция Л. Н. Лазаревой [с. 70]. И с этим стоит согласиться – патернализм превращался в фетиш.

Устали от «борьбы в осаждённой крепости» и общество, и «капитаны производства» [с. 73]. Только этим можно объяснить претензии последних и к качеству планирования, и к плохой логистике [с. 74], и многим иным структурным составляющим экономического процесса. Что не могло не сказаться на показателях их деятельности, на тех секторах экономики, за которые они отвечали.

И здесь Л. Н. Лазарева выдвигает очень важный тезис. Она считает, что с ростом экономики¹ появляется проблема так называемого «информационного бутылочного горлышка»: вырабатывать адекватные решения и исполнять их становилось всё сложнее, а обеспечивать передачу информации «верхним эшелонам» (и не только им) было необходимо, причём информацию, как правило, искажённую, не соответствующую действительности [с. 75].

В результате, как подчёркивает автор монографии, информационное «бутылочное горлышко» деформировало сталинскую модель, запускало негативные процессы, грозящие отбросить СССР с достигнутых уже рубежей [с. 76]. С другой стороны, особенностью советской системы было то, что экономика, политика и идеология были переплетены в единый клубок. Что это означало? Что любая реформа в СССР, хоть в чём-то способная посягнуть на «священные» идеологические постулаты – плановость, коллективизм, отказ от материальной заинтересованности – обречена на провал (даже

если её первые шаги удачны, даже если ей «рулит» премьер). Поэтому поиск реформатора А. Н. Косыгина зашёл в тупик ещё на стадии самой подготовки реформы [с. 148], и премьер принял решение не тянуть больше с реформой и дорабатывать её «на ходу» [с. 173].

Конечно, парадоксально, но иного и не могло быть.

Уже на стадии дискуссий были выявлены «несовместимые совместимости». А. Н. Косыгин сделал ставку на сочетании материального стимулирования с директивным планированием и расширением самостоятельности хозяйственного субъекта. С точки зрения марксизма, всё правильно – «закон единства и борьбы противоположностей», но на практике всё обернулось полным крахом.

Из анализа документов следует, что именно переход на новые методы хозяйствования и экономического стимулирования были тем краеугольным камнем, на котором базировался в СССР план восьмой пятилетки (1966–1970 гг.). На новые методы хозяйствования возлагалась задача заставить советских управленцев «лучше хозяйствовать», вскрыть внутренние ресурсы предприятий, сформировать запрос на внедрение инноваций, поднять производительность труда и сделать науку «непосредственной производительной силой» и проч. На это делалась ставка, когда в план восьмой пятилетки закладывались столь амбициозные цели [с. 200].

Но для этого необходимо было «поступить идеологическими принципами», на что ни сам Косыгин, ни кто-то другой из первых эшелонов пойти не мог. Сказав «а», Косыгин не нашёл в себе силы сказать «б». Получилось, как при НЭПе: сделав один шаг, реформатор остановился, побоявшись «обрушения всей советской системы», и реформа «приказала долго жить».

Позиция, занятая советскими партийными лидерами на декабрьском (1969 г.) пленуме ЦК КПСС, свидетельствовала о

¹ Прим: не совсем понятно, в чём он усматривался, но стоит уважать авторскую позицию.

том, что на реформах «поставлен крест» [с. 201]. Но один «штришок»: *официально* её (косыгинскую реформу) никогда и никто «не сворачивал». Постепенно её перестали вспоминать, «и она “ушла”» [с. 4].

«Моментом истины» остаётся вопрос: косыгинская реформа – «упущенный шанс или последний клапан?»¹. И в заключении исследования, суммируя все доступные ей материалы, Л. Н. Лазарева тоже задаётся теми же «извечными» вопросами: была ли реформа Косыгина точкой бифуркации советской экономики? Могла ли эта хозяйственная модель вообще измениться? Кто виноват – «лошадь или жокей» (т. е. «социально-экономическая модель развития» или «правлящая элита»)?

Можно утверждать, что основной цели реформы А. Н. Косыгину достичь не удалось. Но то, что реформа завершилась ничем – тоже нельзя сказать. Уровень жизни советских граждан вырос, по основным показателям план восьмой пятилетки (едва ли не единственный случай в истории советской экономики) был выполнен, – такова позиция Л. Н. Лазаревой, которая также считает: утверждать, что советская экономическая модель не была реформируема, проведённый нами анализ не даёт оснований. А что касается недостатков реформирования, сбоев, незавершённости и проч., то если пользо-

ваться образом, удачно применённым к советской системе П. Грегори, «лошадь и жокей», то, скорее, дело было, все-таки, в «в жокее» [с. 286–288].

У отечественных исследователей не бывает простых и однозначных ответов на сложные и противоречивые вопросы. И монография Л. Н. Лазаревой – не исключение. Исследования – поиск ответов на вопрос: может ли быть эффективна плановая, и не только, экономика для решения мобилизационных (в широком смысле слова) задач? – продолжают, как в отечественной, так и в зарубежной историографии [с. 288].

Бесспорно, исследование Л. Н. Лазаревой займёт своё место в процессе ликвидации научных лакун истории СССР/России. Несмотря на поставленные автором сложнейшие вопросы экономического развития СССР, на обилие цифрового/статистического материала, на двойной подтекст партийно-советских документов, привлекаемых исследователем, монография Л. Н. Лазаревой читается на одном дыхании. Автору удалось, сочетая документальный материал и живой язык, представить историю косыгинской реформы в динамике, а не в статике, как это было принято ранее. Авторский подход профессионален, хотя и не со всеми обобщениями можно согласиться. Но позиция автора – это позиция автора, тем более что косыгинская реформа – это наше совсем недалёкое прошлое.

Дата поступления в редакцию 30.11.2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Телицын Вадим Леонидович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник научного центра «XX век: социально-политические и экономические проблемы» Института всеобщей истории РАН;
e-mail: telitsyn@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim L. Telitsyn – Dr. Sci. (History), Prof., Leading Researcher, Scientific center «XX century: sociopolitical and economic problems», Institute of World history of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: telitsyn@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА

Телицын В. Л. Рецензия на книгу: «Лазарева Л. Н. Экономическая реформа 1965 года: предпосылки, ход, итоги. М.: Информационно-издательское управление Московского государственного управления, 2021. 309 с.» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 1. С. 148–154.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-148-154

FOR CITATION

Telitsyn V. L. Book review: «Lazareva L. N. Economic reform of 1965: prerequisites, progress, results. Moscow, Information and Publishing Department of Moscow Region State University, 2021. 309 p.». In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 1, pp. 148–154.
DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-148-154